

Шигурова Татьяна Алексеевна

ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА В МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются истоки национального орнамента на территории Окско-Сурского междуречья через призму археологических артефактов. Представлена попытка осмысления древнейших орнаментальных знаков керамики в качестве символа, важного средства регулирования деятельности человека, управления ею, а также как механизма передачи социального опыта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 195-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или как реальность может быть понята философски // Там же. 2002. № 9. С. 81-91.
6. Ищенко Е. Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2005. № 2. С. 3-20.
7. Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки / пер. с англ. и комментарии Г. И. Рузавина. М., 1971. 387 с.
8. Касавин И. Т., Порус В. Н. О некоторых итогах и перспективах анализа науки // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1999. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей.
9. Козлова М. С. Витгенштейн: новый образ философии // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 25-32.
10. Козлова М. С. Идея языковых игр // Философские идеи Л. Витгенштейна. М., 1996. 160 с.
11. Козлова М. С. Концепция знания в философии Л. Витгенштейна: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1965. 17 с.
12. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/lakatos_falsifikacija (дата обращения: 28.03.2011).
13. Лебедев М. В. Стабильность языкового значения [Электронный ресурс]. М.: УРСС, 1998. С. 168. URL: <http://www.philosophy.ru/lebedev/texts/stability.html> (дата обращения: 01.02.2011).
14. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62-76.
15. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии рациональности // Философия науки. М., 1999. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. С. 27.
16. Микешина Л. А. Витгенштейн: проблема веры и достоверности в познании М., 1996. 160 с.
17. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. 302 с.
18. Пахомов Б. Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 123-132.
19. Пржиленский В. И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Там же. 2010. № 11. С. 105-114.
20. Смолянская Н. В. Проблема репрезентации в концепции конструирования «возможных миров» Нельсона Гудмена [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=115169> (дата обращения: 15.03.2011).
21. Соболева М. Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 117-125.
22. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный, 1994. 170 с.
23. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Возможные миры и виртуальная реальность. Серия: Аналитическая философия в культуре XX века: исследования по философии современного понимания мира / сост. В. Я. Друк и В. П. Руднев. М., 1995. Вып. 1. URL: <http://seventh.boom.ru/phil/virtual.txt> (дата обращения: 10.03.2011).
24. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 331 с.

SEARCHES FOR TRUTH AND KNOWLEDGE SUBSTANTIATION PROBLEM

O'ga Gennad'evna Shevchenko, Ph. D. in Philosophy
Department of Foreign Languages
Novosibirsk State Technical University
olga-ivleva@yandex.ru

The author reveals the subject matter connected with the theories of truth and the questions of knowledge substantiation manifested everywhere in philosophy of science, pays special attention to overcoming the difficulties while knowledge substantiating with the help of the analysis of the modern ideas about reality and possible worlds and tackles the questions of the picture of the world formation as the way of reality cognition.

Key words and phrases: scientific theory; truth; knowledge; reality; possible worlds; picture of the world.

УДК 130.2:745.5.016.4(470.345)

В статье рассматриваются истоки национального орнамента на территории Окско-Сурского междуречья через призму археологических артефактов. Представлена попытка осмысления древнейших орнаментальных знаков керамики в качестве символа, важного средства регулирования деятельности человека, управления ею, а также как механизма передачи социального опыта.

Ключевые слова и фразы: культура мордовского края; память культуры; орнамент керамики; знак; символ.

Татьяна Алексеевна Шигурова, к.и.н., доцент
Кафедра культурологии, этнокультуры и театрального искусства
Институт национальной культуры
при Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им.Н. П. Огарева
shigurova_tatyana@mail.ru

ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА В МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ®

Богатейшая культура мордовского края создавалась в течение тысячелетий усилием воли, напряженным трудом, талантом человека. Несмотря на значительные миграционные процессы, она имела в своей основе

«тесные контакты и активные взаимодействия различных этнических образований эпохи древности и средневековья» [14, с. 16]. Память о них увековечена в простейших символах, присутствующих и в современной культуре, которые характеризуются «гораздо большей смысловой емкостью (большей вместимостью культурной памяти), чем сложные» [18, с. 617].

В свете исследований разных наук (психологии, лингвистики, философии и др.) связь языка с мышлением очевидна [5, с. 20; 24, с. 35-220]. Не подлежит сомнению и то, что язык орнамента был одним из первых способов освоения мира человеком, приспособления к действительности в знаковой форме. В нем сохранились наиболее архаичные представления общественного сознания. Орнамент, украшавший традиционную мордовскую одежду вплоть до начала XX в., обладал устойчивостью форм и технических приемов исполнения. По мнению исследователей, это способствовало сохранению в его составе разновременных мотивов, в том числе, и весьма древних.

Самобытное мастерство мордовских женщин, выраженное в высоко художественных орнаментальных образах, получило очень высокую оценку исследователей XVIII-XX вв.: ученых-путешественников Н. П. Рычкова, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги, исследователей П. Мельникова, А. О. Гейкель, Н. И. Гаген-Торн указывала на связь феномена устойчивости орнамента в одежде народов Среднего Поволжья «с его словесным значением» [6, с. 17]. Т. А. Крюковой впервые выделены специфические свойства декора народной мордовской одежды, наиболее распространенные мотивы, композиции, технические приемы исполнения [13]. В работе В. Н. Белицер представлены локальные варианты декора мордовской нательной и верхней одежды, украшений, а также словарь народной терминологии по данной теме; высказано сожаление по поводу недостатка фактического материала, помешавшего «раскрыть семантику всех орнаментальных мотивов» [2, с. 5]. В. Н. Мартянов исследовал семантику композиций мордовского орнамента в тесной связи с общими вопросами этногенеза мордовского населения, с возможностью реконструкции древних форм элементов костюма; он сделал общий вывод о том, что «вопросы происхождения, типового состава орнамента, использования его в качестве исторического источника, анализа в этнографическом и искусствоведческом плане ждут своего исследователя» [21, с. 5]. А. С. Лузгин и В. И. Рогачев единодушны в том, что до сих пор не осуществлено «комплексного, структурного анализа семантики знаково-орнаментальной системы мордовского народа» [19, с. 74].

Адекватное осмысление знаковой сущности орнамента в мордовском костюме невозможно без обращения к проблемам истории культуры и этногенеза. Для многих российских ученых орнаментальный материал является полноценным историческим источником. Так, С. В. Иванов рассматривал орнамент в контексте материального воплощения и технологических приемов, отмечая, что он «проливает свет на многие недостаточно ясные пока моменты, связанные с формированием тех или иных племен и народов с их историческими судьбами» [9, с. 85]. Г. С. Маслова рассматривала орнамент как этногенетический источник [22]. Исследование орнамента народов России показывает, что он является знаком, эстетически оформляющим предмет и внешний облик человека [15, с. 6].

Наиболее актуальной является информационная функция знака, выступающего в качестве носителя знаний о предмете или явлении. Принято считать, что знак - это «двусторонняя, материально-идеальная единица - носитель социальной информации» и «идеальная сторона знака есть не что иное, как один из видов отображения действительности в сознании человека...» [3, с. 119-120]. По мнению современных исследователей, орнамент костюма несет явно выраженное символическое значение [12, с. 9]. Сложность осмысления данного знака семиотической системы состоит в том, что само понятие *символа* является одним из самых многозначных в семиотике и на материале мордовского традиционного костюма еще не исследовано. Натурность необходимости теоретических изысканий в области знаковой природы орнамента как элемента культурного пространства в целом, так и результата творческой деятельности человека в частности.

Осмысление разных аспектов орнамента невозможно без обращения к его истокам, уходящим далеко вглубь веков. В основе выделения археологических культур лежат специфические черты керамики, форма сосудов и особенно их орнаментация [7, с. 20]. Существуют разные мнения о причинах появления орнамента, его символике, способах нанесения, функциях. Очевидно, что, кроме практической цели (например, придания сосуду большей крепости при увеличении площади обжига) орнаментальный знак первоначально был связан с конкретным предметом, образом окружающего мира, а впоследствии переосмыслен в благожелательный положительный общественно значимый символ *жизни, добра, здоровья, плодородия*. Согласно Л. Анненковой, «декоративность родилась как образное отображение целостного существования вещи, когда она, пусть еще в примитивной форме, несла в себе все содержание человеческого бытия» [1, с. 42]. Рисунок «сетчатой» или «текстильной» керамики осмыслялся первоначально как технологический прием изготовления сосудов, затем - как результат декорирования зубчатым штампом, щепой или шнуром: «Мастер руководствовался стремлением украсить ... декором в виде поля сплошной орнаментации» [28, с. 202].

Концептуализация мира языком орнамента, одним из древнейших способов освоения мира, способствовала преобразованию утилитарной ценности орнамента в эстетические, духовные категории, что объясняется тесной связью знака с сознанием его создателя, устойчивостью традиции в обществе. В мировоззрении каждого народа понятие красоты, прекрасного четко связано с существованием оппозиции *прекрасное/безобразное, хорошее/плохое, полезное/вредное*, которым, в свою очередь, соответствует понятие *своей/чужой*. Поскольку творцом орнамента древней керамики была женщина, которая занималась изготовлением посуды для хозяйственных, ритуальных целей, орнамент как знак содержал информацию о ее мировоззрении, желаниях, представлениях о природе, жизни и человеке.

Не давая сведений о костюме древней поры, археология, тем не менее, предоставляет важнейшие артефакты, отражающие появление орнаментального искусства на территории Среднего Поволжья. В них фиксируется восхищение человека тем или иным явлением, предметом окружающего мира, осмысление им

природного материала. На территории Мокшанско-Сурского междуречья, судя по особенностям орнамента, в эпоху неолита существовали три разнокультурные группы населения. Об этом свидетельствуют памятники с оттисками в виде *ребенки*, сосуды с *треугольными наколами*, а также комбинациями *ямочно-ребенчатых отпечатков*. Считается общепризнанным появление и распространение всей керамики лесной зоны с территории Балкан через передающие звенья культур раннего неолита буго-днестровского и днепро-донецкого регионов. Взаимодействие этнически неоднородного населения определяло направление основных этнокультурных процессов: изначальная интеграция первых двух групп, а со второй половины IV тыс. до н.э. вытеснение пришлыми группами из Нижнего Поочья носителей накольчато-ребенчатой традиции. В дальнейшем бассейн Мокши становится постоянным местом обитания племен ямочно-ребенчатой керамики.

Анализ индоевропейских заимствований в языках финно-угорской семьи дал основание Д. Е. Казанцеву считать неолитические племена ямочно-ребенчатой керамики северной группой индоевропейцев, включавшей славян, балтов и германцев [11, с. 89]. Образцы сосудов Иморской стоянки показывают, что их наружная поверхность сплошь покрывалась ямочным и ребенчатым орнаментом, главным элементом которого были круглые ямки с коническим дном, расположенные рядами. Встречался орнамент из круглых ямок с оттисками перевитой веревочки [7, с. 18]. П. Н. Третьяков общих предков германцев, балтов и славян идентифицировал с племенами шнуровой керамики [25, с. 72].

Орнамент керамики распространялся в пределах конкретного племени, сохранялся и передавался по наследству, подчеркивая значимость традиции, актуальной для древней культуры. Он воспринимался как некий знак, несущий общественно значимую информацию, «средство регуляции деятельности и управления ею, как механизм передачи социального опыта» [23, с. 102]. Первый геометрический орнамент эпохи неолита на территории Мордовии включал в себя простейшие формы: кружки, треугольники, линии, сочетание ломаных линий. Он был разработан местным неолитическим населением к периоду, предшествующему формированию финно-угорских племен [8, с. 88].

В древнейшем орнаменте племен охотников-собирателей содержался визуальный код первобытных представлений о картине мира. Символику круга исследователи трактуют как движение, развитие, осознание небесной (солнечной) красоты, силы, небесного огня и цикличности времени, соединяющей календарный год [10, с. 84]. Круглые ямки керамики создавались надавливанием белемнита. По древним представлениям русского населения, проживающего на территории Мордовии, белемнит - это сильное магическое и лекарственное средство. Разного рода наклонные линии проникнуты осмыслением движения человека по водному пути, а также небесных потоков влаги, заключающих в себе живительные и грозные силы природы. В исследованиях археологов отмечается использование в качестве своеобразного инструмента ракушек, прослеживаются оттиски аммонита. Треугольник - самый устойчивый геометрический символ, связанный с ощущением надежности, опоры, стабильности. Простые знаки в архаичном сознании человека были наполнены конкретными, зримо представляемыми явлениями действительности. «С их помощью первобытный человек нащупывал линии взаимодействия, существовавшие между вещами и явлениями, реальные связи, пронизывающие мир». Разработка древнейших символов была связана с острым ощущением человеком «необходимости жить в гармонии с окружающим миром, с его ритмом, с временем» [Там же, с. 80, 88].

Древнейший орнамент возник как конвенциональный (условный) знак, искусственно созданный человеком для передачи определенной информации, общественно значимого опыта, выражения чувства или с целью эстетического оформления культурного пространства. Сложность современной интерпретации заключается в том, что *условие*, по которому он обозначал определенный опыт, предмет, чувство, информацию было принято и понято именно в далеком прошлом. С течением времени в связи с изменениями в культуре (языке, обрядах, ценностях) происходило переосмысление знака. Наиболее приемлемым решением проблемы истолкования содержания древнейших орнаментальных элементов является осознание их в качестве символов, предназначенных для «выражения высшей и абсолютно незнаковой сущности» [17, с. 191], а также их «обобщение, ... конструкция, выступающая как принцип понимания (следовательно, и переделывания) всего единичного» [16, с. 158]. Сплошное заполнение фона, ритмичное повторение простейшего узора сигнализируют нам о значении традиции в формирующейся культуре, необходимости сохранения достигнутых результатов благодаря повторяемости простейших действий человека, который стремился воздействовать на создаваемый предмет, сделать его безопасным для использования, отметить собственными знаками-метками.

Уже на первых этапах своего существования орнаменту были свойственны не только практические, но и коммуникативные, эстетические функции. Он был знаком, который обозначал свое, обжитое пространство через понятные всему племени важные символы; выполнял функции, стимулирующие и контролирующие поведение коллектива в соответствии с оппозицией *свой/чужой*, *добро/зло*, *жизнь/смерть*, организуя общественные взаимоотношения с соседними племенами. Как отмечают археологи, мастер старался тщательно выравнивать именно внешнюю поверхность сосуда, оставляя внутреннюю ее часть часто незаглаженной [28, с. 197]. Данное обстоятельство свидетельствует о ценностном восприятии красоты, стремлении соблюдать известные каноны, формировать традиции. Простота - высшая форма искусства, ограниченность плана выражения расширяет семантическое содержание знака. Очевидной является связь символа с целым набором функций, среди которых выделяются эстетическая, назидательная, магическая функции, а также мнемоническая как напоминание о том, что зритель знает и без него [17, с. 244].

Изучение истории мордовского края не дает простых решений и прямых путей в исследовании проблемы поиска связующих звеньев с современностью, возможности представить древний орнаментальный знак в качестве «памяти культуры». Нечто схожее наблюдаем в балканской истории, о которой пишет Т. В. Цивьян:

«Связь времен», понимаемая как непрерывность существования общества, данного общества, прерывалась не раз, но балканская жизненная сила преодолевала эти разрывы, постулируя единство «осевого времени», одним из основных уроков которого было осознание ответственности жизни во времени» [26, с. 72].

Фиксируя начальные этапы формирования простейшего геометрического орнамента на территории Окско-Сурского междуречья, возможность осмысления его человеком в качестве знака, использование в ритуальной и повседневной деятельности, подчеркнем, что интенсивное его развитие происходило в культурах, весьма отдаленных от мордовской не только по времени бытования, но и по своим представлениям, образу жизни, языку. Их связывало единство места (территория обитания), план выражения орнаментального символа, творческая деятельность женщины и область распространения - декоративно-прикладное искусство и бытовая культура. Вместе с тем, сопоставление древнейшего состояния символа с тем, что он представлял собой в мордовском костюме, закономерно, поскольку «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры - он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [17, с. 192]. По мнению С. В. Иванова, устойчивость орнамента как элемента художественной культуры, сохраняющегося на протяжении тысячелетий, «позволяет сопоставить современный орнамент с древним даже в тех случаях, когда посредствующие звенья между тем и другим утрачены или до настоящего времени не выявлены» [9, с. 23].

Своеобразным орнаментом отличалась волосовская керамика эпохи энеолита: гребенчатым с ямками разного типа, частично - сплошным елочным, встречался узор «след птицы», изображение сети. Здесь порой исчезает сплошное заполнение поверхности, появляются пересекающие друг друга полосы и короткие нарезные линии, характерные для поздних памятников рязанской культуры второй половины II тыс. до н.э. [7, с. 22]. Разнообразие орнаментального знака волосовской керамики указывает на смешение различных культурных компонентов. Археологи связывают формирование волосовской культуры с пришедшими урало-камскими или волго-камскими племенами эпохи неолита, предполагая их финно-язычную принадлежность [28, с. 218].

Дальнейшее развитие ямочно-гребенчатого орнамента неолита выразилось в создании вида симметрии по косой сетке, который получил распространение на огромной территории Восточной Европы и Западной Сибири. «Эти мотивы и составленную из них косую сетку можно рассматривать как тот древний орнаментальный фонд, на основе которого развился позднейший народный орнамент, известный нам по памятникам средневековья и по современным этнографическим материалам» [9, с. 447]. Переход мотивов в ткачество и вышивку способствовал, по мнению С. В. Иванова, обогащению узора, приобретению яркого колорита без утраты конструктивных и композиционных характеристик. Исследователь высказывает предположение о возможности переноса ямочно-гребенчатого орнамента на ткань на разных территориях с эпохи бронзы, подчеркивая, что «комплекс мотивов современного вышитого и вытканного сетчатого орнамента носит черты неолитического искусства» [Там же, с. 449]. Появление нового вида симметрии свидетельствует о важных изменениях, происходивших в общественном сознании в этот период. Простая орнаментальная форма постепенно перестала удовлетворять мастериц в неолите и последующей эпохе бронзы, поскольку представления о мире расширялись, обогащались новыми знаниями, ценностями, культурными нормами.

Циркулярный орнамент использовался в деревянной резьбе, декорировании грузиков для ткацких станков, в металлических украшениях; позднее он широко был представлен в вышивке нательной одежды мордовского населения. На территории Окско-Сурского междуречья известно бытование спиралевидной формы женских браслетов и колец. Орнаментальный символ пронизывал срезы культуры, выполняя функцию единения, реализуя «память культуры о себе».

Наличие простейших символов в предметах традиционного мордовского костюма, созданных древнейшими индоевропейскими племенами, которые проживали в Окско-Сурском междуречье, подтверждается антропологическими данными о том, что мордва отличается наибольшей европеоидностью среди ныне существующих финно-угорских народов Поволжья. Лингвисты допускают возможность индогерманских заимствований в мордовские языки («доарийские заимствования в прауральские этимологии»), в первую очередь, слов, обозначающих элементарные понятия *вода*, *огонь*, *небо* и имеющих также священный смысл. Н. В. Бутылов по этому поводу замечает: «Огонь и вода имели собственных духов. Небо ассоциировалось (идентифицировалось) в большинстве случаев с понятием божества. Поэтому такое слово часто из священных или аффективных причин может быть заменено иноязычным элементом» [4, с. 79]. Ср.: «*ведь*» - вода, «*кеме*» - камень [27, с. 66].

Древнейшим на территории Окско-Сурского междуречья является орнамент в виде простейших элементов (линии, треугольника, круглой ямки), разработанный местным населением эпохи неолита в период, предшествующий формированию финно-угорских племен, и впоследствии получивший дальнейшее развитие в бордюрном и сетчатом типах симметрии. Использование методологии знаковой теории, и в частности понятия символа (в трактовке Ю. М. Лотмана [18, с. 191-199], А. Ф. Лосева [16, с. 158] и др.) позволяет нам приблизиться к пониманию культур глубокой древности, архаического коллективного мировоззрения той эпохи, чтобы впоследствии наблюдать его аналогии в орнаментации предметов традиционного мордовского костюма.

Список литературы

1. Анненкова Л. «Реалогия» и смысл вещи // Декоративное искусство СССР. 1986. № 10. С. 41-42.
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 215 с.
3. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
4. Бутылов Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск, 2006. 220 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

6. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья: материалы к этногенезу. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
7. Жиганов М. Ф. Память веков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 136 с.
8. Иванов С. В. К проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // Советская этнография. 1952. № 3. С. 85-99.
9. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - нач. XX в.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
10. Иорданский В. Б. Круг и квадрат // Вопросы философии. М.: Наука, 2010. № 3. С. 80-89.
11. Казанцев Д. Е. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1979. 114 с.
12. Козлова Т. В. Костюм как знаковая система. М., 1980. 67 с.
13. Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 119 с.
14. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
15. Лободанов А. П. Прикладные искусства: лекции по семиотике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. Вып. 3. 199 с.
16. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
17. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
18. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 704 с.
19. Лузгин А. С., Рогачев В. И. Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 88 с.
20. Лурья А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 320 с.
21. Мартьянов В. Н. Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 118 с.
22. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел // Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Л., 1951. Т. 11. 139 с.
23. Полторацкий А. Ф., Швырев В. С. Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970. 118 с.
24. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 35-220.
25. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966. 308 с.
26. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
27. Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимология валкс. Саранск: Мордовской кн. изд-ва, 1998. 240 с.
28. Шитов В. Н. и др. Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008. 552 с.

NATIONAL ORNAMENT SOURCES IN MORDVINIAN CULTURE

Tat'yana Alekseevna Shigurova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Culturology, Ethno-Culture and Theatrical Art
Institute of National Culture
National Research Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
shigurova_tatyana@mail.ru

The author considers national ornament sources through the prism of archeological artifacts (within the territory of Oka-Sura interfluvium) and presents the attempt of understanding the most ancient ornamental signs of ceramics as the symbol, as the important means of regulating human activity, managing it, and also as the mechanism of social experience transfer.

Key words and phrases: Mordvinian region culture; culture memory; ceramics ornament; sign; symbol.

УДК 130.122

Статья посвящена анализу творческой составляющей духовности. Рассмотрен механизм реализации креативного потенциала человека, подразумевающий энергичное и вместе с тем ответственное отношение к жизни, природе, другим людям, самому себе. Творческое начало пронизывает пространство духовной культуры и через него воплощается в духовной деятельности человека и общества.

Ключевые слова и фразы: творчество; креативность; духовная культура; мировоззрение; познание; искусство; художественно-эстетическая жизнь общества.

Светлана Петровна Штумпф, к. филос. н.

Кафедра философии и социологии

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

stumpf@kspu.ru

ТВОРЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНОСТИ[©]

Диапазон духовной культуры, накопленный человечеством, необозрим. Он даёт человеку неограниченную возможность выбора аксиологических установок, соответствующих его стремлениям, способностям, условиям жизни. Он позволяет сохранить ему свою неповторимость, остаться самим собой даже в исключительно противоречивых жизненных ситуациях. Человек получает возможность ориентироваться в многообразии интеллигентного мира и нести ответственность за свой выбор, уметь противостоять отрицательным воздействиям. Все эти потенции - осознание человеком себя как субъекта собственного жизнетворчества, жизнестроительства, освоение им основных смыслов и ценностей, внутренняя активация, приятие своих